

И КРЫМ, И РИМ...

Они дружили с детства. Один смуглый, тонкий, жилистый. Второй белобрысый, голубоглазый, краснощёкий. В мужской дружбе всегда кто-нибудь верховодит. Так и у них сложилось. Главным был смуглый, без имени. Его с детства звали по фамилии. Часто кричали вслед – Каламбееееек! Это длинное «е» сопровождало его повсюду. Второго звали Сашкой. Иногда Сашей. Так они и дружили, и всё у них было вместе. В детском саду, в школе, в спортивном лагере. И в армию попали вместе. В учебке тоже всегда рядом. Во взводе их любили. Сначала посмеивались над фамилией Каламбака, а потом привыкли. В каждом намешано кровей невесть сколько, главное – по паспорту русский. Сойдёт! Про имя не вспоминали.

Жили дружно. Дедовщины во взводе не было. В глубине души каждый знал, что их должны научить убивать врагов. Учили там серьёзно, по-взрослому. В режиме чрезвычайной жёсткости. Больше всего выводил из себя сухой спринт – многочасовой бег на месте с выносом ног к груди. Это упражнение на выносливость, выполняется на максимальной скорости, оно тренирует ускорение и взрывную силу. Боец, успешно прошедший тренировку, в реальных условиях способен сделать рывок и за короткий промежуток времени достичь цели. Бег на месте длится 30 секунд, затем столько же на отдых, и всё заново ровно пятьдесят раз.

Ещё их учили падать. Прежде чем научиться драться, нужно научиться падать. Это важно. Ещё прыжки на одной ноге по диагонали через препятствие. Они прыгали через скамейку. Именно так тренируют вестибулярный аппарат и голеностоп. Но главное в рукопашном бое – уничтожить противника.

И всё время повторялось слово «нужно». Нужно не бояться убить врага. Нужно не бояться отбиваться вручную. И самое главное – нужно уметь драться. Не только руками и ногами, но и всеми подручными средствами. Убить врага можно чем угодно: оружием, ножом, камнем, стеклом. В общем, что под руку попадётся. В результате тренировок вырабатываются мощные и резкие удары в область головы, шеи, паха. Убивать нужно тихо, не привлекая внимания.

Трудно друзьям было в учебке, но они держались, стараясь не обсуждать в разговорах тяготы службы. Каламбек всегда дрался с Сашей. Так было легче. Но инструктора не проведёшь. Он не разбивал пару, но всегда стоял рядом, чтобы оба действовали всерьёз, а не понарошку.

– Эй, Челубей с Пересветом, смотрите у меня! Чтоб до кровянки! Не халтурьте!

И тогда они научились драться, не считаясь с дружбой. Били друг друга, как заклятые враги. До крови, до потемнения в глазах. Потом только головами покачивали, но друг друга смотрели не таясь. Им нечего было скрывать. Долг превыше всего.

Однажды Каламбек заметил, что Сашка часто вздыхает.

– Сань, ты чего сопли распустил? – спросил Каламбек, присаживаясь рядом с другом.

– Ох, Каламбееек, такие дела у меня! – надулся Саша, явно не склонный раскрывать сокровенные тайны.

– Я как командир отделения обязан знать, что на душе у бойца, – преувеличено бодро засмеялся Каламбек. – Чего ты вздыхаешь?

– Даааа, девушка моя скоро родит, – шмыгнул носом Саша и покосился на Каламбека. – Переводку вот делаю. Моя там что-то совсем расклеилась.

– А куда думаешь переводиться? – огорчился Каламбек. Без Сашки жизнь в учебке станет совсем жестокой. С другим легче пережить трудности.

– В Новороссийск, она сейчас там. Все документы уже оформил. Завтра у нас с тобой прощальная.

– А я почему не знаю? – вспыхнул Каламбек. – Всё-таки я – командир отделения!

Каламбек впервые почувствовал, что у него есть сердце. В левой стороне груди что-то тоскливо заныло. Оказывается, он ничего не знает о своём друге. А ведь жизнь готов за него отдать.

– Мама справку о своей болезни в министерство предоставила. Будто бы меня из-за болезни матери переводят. Запрос долго шёл. Вот и пришёл!

– А-а, – кивнул Каламбек, застыв в удивлении. Было чему удивляться – вот тебе и мужская дружба! Ничего Сашка не рассказывал; ни о беременной невесте, ни о больной матери. Всё скрыл от близкого друга. А ведь как братья были. Из одной чашки ели, из одной фляжки пили. Столько крови друг другу пустили на тренировках. Роднее родного ему Сашка был. Выходит, всё когда-нибудь кончается.

– А я ни разу на юге не был. Мечта у меня есть – хочу Крым посмотреть!

– Ай, да мы с тобой ещё посмотрим и Крым, и Рим, Каламбек! Везде побываем. Не обижайся на меня. Ты мне роднее брата, сам знаешь. О девушке не рассказывал потому, что она с Украины. Тьфу ты, пропасть, из Украины. Она в Новороссийск учиться приехала. Помнишь, мы с мамой на юг ездили? Перед армией. Там и познакомились. Ей уже пора возвращаться, а куда ехать – она не знает. Мне надо быть ближе к ней, понимаешь, брат?

Каламбек высоко вздёрнул голову. Он-то всё понимает, а вот Сашка в мужской дружбе совсем не разбирается. Каламбек ещё немного посидел, подумал, потом рассмеялся.

– Да, ладно, Саня, всё нормально! Поздравляю, будущий папаша!

Они помолчали, каждый о своём. Каламбек размышлял о том, что у него вот нет девушки, и никто его не ждёт, а Сашка думал, как будет добираться до Новороссийска. Потом они уснули, а утром Сашки рядом уже не было.

Учебка жила своей жизнью. Тренировки изматывали, но после каждой появлялись новые ощущения. Каламбек чувствовал, как мышцы его становятся железными, а дыхание непрерывным, даже если он пробежал десятикилометровку.

Сашка не писал, не звонил. Каламбек прогонял мысли о друге. Успокаивал себя: будет ещё у него и друзья, и невесты. Надо жить будущим, и оно не заставило себя ждать. В марте получили приказ срочно выехать в Керчь. Пригнали грузовики, и всю батальонно-тактическую группу погрузили с вещмешками и сухпайком.

Ехали долго. Командиры выглядели взвинченными. Только перед Керчью им провели инструктаж. Надо помочь мирному населению Крыма войти в состав России. Бойцам подробно объясняли, как нужно действовать на острове, чтобы не причинить вреда мирному населению. Конечный пункт назначения – Межводное. Там находится союзная часть, украинские войска отошли без сопротивления, но несколько частей против присоединения острова к России. Открыто не выступают. Затаились.

– Товарищи бойцы, оружие применять только при открытом сопротивлении, когда жизнь угрожает опасность!

Каламбек посмотрел на лица бойцов и успокоился. Ребята не подведут. В учебке было трудно, но она закалила волю и мышцы бойцов. С такими хоть в огонь, хоть в воду. С ними не страшно на любой войне.

В Межводном было неспокойно. Особенно сопротивлялась часть, охранявшая метеовышку. Перед частью бушевала толпа местных жителей, стремясь захватить военных. Они то подбегали к КПП, то отбегали, боясь выстрелов. Каламбеку доверили два взвода. Сначала он поставил заслон перед местными жителями, чтобы те не прорвались к КПП. Разведрота пошла в обход. Каламбек кивнул бойцам, и штурм КПП начался. Штурмующие выбили ворота и побежали по территории части, зная, что их подстраховывает разведрота.

Бойцы действовали слаженно, вспоминая уроки, полученные в учебке. Каламбек бежал впереди всех, мысленно отмечая, что в части мало народу. Остальные, видно, сдались. Остались самые стойкие; у них в руках склад с оружием, но никто пока не стреляет. Каламбек махнул рукой, и бойцы вытащили дубинки. Они бежали к складу, обезвреживая всех, кто попадался по пути. Вдруг один из сопротивляющихся схватил Каламбека за рукав и занёс самодельную дубинку над головой. Краем глаза тот видел, что дубинка слегка вибрирует и почему-то зависла в воздухе. Он хотел в ответ огреть противника по голове, но тоже придержал удар. Вытянул шею, чтобы заглянуть в лицо противнику. Чего он медлит?

– Сашка! – ахнул Каламбек, всё же опустив дубинку на шею бывшему другу. Но удар получился смазанным.

– Каламбееек!

Они обнялись и слегка пошмыгали носами, пытаясь справиться с волнением, но отпрянули друг от друга и весело рассмеялись.

– Сашка, как ты здесь очутился? Ты же в нашей армии был, в нашей, российской! – заорал Каламбек, изнемогая от обрушившейся на него радости. Он и не предполагал, что встреча с другом получится именно такой – внезапной, разрывающей душу.

– Да, как-как? Вот так! По семейным обстоятельствам оказался в Украине. Жена у меня здесь родилась. И застрял. Забрали добровольцем. Пришлось остров защищать. А как его защищать? В той толпе у меня тёща с тестем, брат жены. Как я могу в них стрелять? Они же мне родня! Мы тут побросали автоматы, наделали дубинок и стали вас ждать. Вот и побывал ты в Крыму, Каламбек! Исполнилась твоя мечта. Осталось Рим покорить.

– Да, прям на море попал! На грузовиках добирались. А жена родила уже? – смеялся Каламбек, шалея от радости и понимая, что штурм закончился и что нет нужды в кого-то стрелять и кого-то расстреливать, что никто не погиб, а оружейный склад под надёжной охраной. И что верный друг Сашка живой и здоровый.

Они ещё раз обнялись, чувствуя родное тепло, исходящее друг от друга. И было в этом братании что-то такое, чего они уже никогда не смогут забыть, даже на том свете. Они не смогли поднять руку на ближнего своего, хоть и умели убивать по правилам.

14 марта 2021 года.

С МИРУ ПО НИТКЕ

Он никому не верил. Никогда. Ни одной минуты. Все всегда ввали. Они улыбались, сюсюкали, а сами ввали.

Алексей родился покладистым. В детстве его часто били. Все синяки и шишки мальчик терпел, иногда мог и ответить, но чаще ложился на спину и ждал, когда всё закончится. Так и жил. Худо-бедно окончил школу, поступил в техникум, получил специальность электрика. Дома было скудно и бедненько, и сразу после армии Алексей завербовался на север. Тогда ещё вербовали. И на севере не повезло. Сначала жил в промёрзшем общежитии, потом выделили комнату в коммуналке в довесок крепкой рабочей семье. Как-то пришло известие, что родители умерли, сначала мать, потом отец. На похороны Алексей не поехал. На работе не отпустили, а он не стал перечить. Родителей похоронили по социалке. Жильё у них было ведомственное. Богатства не нажили. Как жили – тихо и незаметно, так и ушли ни с чем.

И покатила Алексеева северная жизнь по накатанным рельсам. Была у него мечта, давнишняя, заветная. С детства он хотел накопить много денег. Да так много, чтобы хватило на всё. На что на «всё» – Алексей не понимал, просто хотел ощутить денежную массу во всём её великолепии. С соседями по коммуналке Алексею повезло. Шумные, развязные, но добрые, они часто подкармливали одинокого мужчину, не умеющего готовить. Алексей питался просто. Батон с кефиром на завтрак, батон с кефиром на ужин. Обедал в рабочей столовой. Его всё устраивало. Отношения в коллективе, с соседями, с администрацией предприятия. Не то, чтобы его уважали, но принимали. Никто и никогда не смеялся над его неказистостью. Серенький человечек, ничем не приметный. Таких на каждом шагу много. Живут себе и живут, а зачем, для чего – не могут осознать. Никто и не догадывался, какие мечты обуревают Алексея. Он ощущал себя не щедрым мужичонкой, а крутым олигархом, богачом, скупым рыцарем, способным купить половину земного шара. На вторую половину Алексей не замахивался. Страшновато было. И не то, чтобы совсем страшно, а как-то жутко. Ни к чему Алексею земной шар целиком. Он не знал, что будет делать со всей планетой. А вот на половину его хватило бы. И он трудился в две смены, выходил на работу в сильные морозы, когда никто не работал, а птицы падали замертво на лету, по утрам умильно улыбался бригадиру и мастеру, чтобы его не вычеркнули из премиальной ведомости. А его и не вычёркивали. Фамилия Алексея переходила из одной ведомости в другую, изредка вызывая изжогу у других членов бригады. И всё-таки на него не обижались. Ему не завидовали. Все знали, кроме Алексея, в пургу и слякоть никто не выйдет на работу. Это он будет латать проводку отможенными руками на трескучем морозе. В жизни всегда найдётся какой-нибудь Алексей, без которого никак не обойтись. Без него человеческая деятельность остановится. Электричество умрёт, вода уйдёт, канализация выйдет из берегов. Только этот человек в состоянии остановить потоки дерьма. И только он может вернуть миру нарушенный порядок. Все это знали и ценили его качества, но не любили. Не было ни одного человека на свете, который смог бы полюбить всем так нужного и необходимого Алексея. Как ни странно, но он это понимал, брезгливо морщась. Он тоже не любил людей. Ему была не нужна ничья любовь. Алексея согревала мечта о невиданном богатстве, и чем ближе он подходил к её осуществлению (как ему мнилось), тем теплее становилось внутри. Вечерами он перебирал пачки денег, перетянутые разноцветными аптечными

резинками. Красненькие резинки плотно обтягивали пятитысячные купюры, синенькие – тысячные. Алексей старался не вспоминать многочисленные дефолты, деноминации и обнуления. Каким-то образом ему удавалось избежать потрясений. Пострадал он всего один раз, когда погиб советский червонец. Тогда пришлось туго. Алексей долго переживал, но справился, не пропал. Не спился, не замёрз, не заболел. Выжил, как многие. И мечта осталась. Уже через год Алексей восстановил утраченные позиции. С крушением Советов пришло облегчение. Деньги можно было копить в иностранной валюте. Пуще всех денег Алексей полюбил американский доллар. Это вещь. Вечная ценность. Приходят и уходят режимы, меняются диктаторы, исчезают границы, а доллар как был, так и сияет зелёным огоньком. И хоть бы что с ним случилось. Аптечная резинка зелёного цвета стала символом будущего благоденствия. Она прочно скрепила толстые пачки заокеанских денег. Алексей немного преобразился. Он стал чаще улыбаться. Он понял, что может купить любую любовь. Были бы деньги!

В тесной конторке галдели рабочие. Вчера был день полочки, многие не вышли на смену. Кто-то ушёл в запой, а кое-кто и не выходил из него. Бригадир долго и нудно ругался, выматывая из себя жилы. В январе трудно собрать бригаду в полном составе. Особенно после зарплаты. А на дальней подстанции повреждение. Бригадир завернул замысловатое ругательство и слегка задохнулся, пытаюсь выговориться позаковыристее. Симпатичное лицо сорокалетнего крепыша налилось бурой краской и стало одуловатым.

– Иваныч, чо ты базлаешь? – крикнул кто-то от дверей. – Пошли в наряд Лёху-молчуна. Он всё тебе сделает за хорошую премию. Не ори только! Только сердце рвёшь и жилы. Голова же гудит после вчерашнего.

– А где наш молчун? Где Лёха? – расцвёл бригадир. – Он же раньше всех приходит обычно.

– Всё! Кончилось ваше «обычно». Рассчитался наш Лёха, – пробасил напарник Алексея.

– Как рассчитался? – растерялся Иваныч. – А я? А кто на подстанцию пойдёт? Туда только пешком километра три. Ни на чём не проехать. Снегу намело метров пять в высоту.

– Не может такого быть! Да не похоже на него. Да это кто-то другой рассчитался! Обходной у бригадира должен подписать! – раздались возмущённые голоса.

Конторка наполнилась гулом. Мужчины, все коренастые, широкоплечие, с лужёными глотками, громко бранились, осуждая неблагоприятный поступок Алексея, от чего стены гулко вибрировали, усиливая детонацию.

Бригадир растерянно молчал. Он вдруг вспомнил, сколько раз посылал Алексея на заведомую гибель. В любую погоду, на самые дальние участки. И всегда Алексей возвращался целым и невредимым. Ничего ему не делалось. Он был семижилным. Что же теперь будет? Кто пойдёт на подстанцию? А ещё говорят, что незаменимых нет.

– Он уже билет взял. В Свердловск намылился. Тьфу ты, в Екатеринбург, по-новому. Там, говорит, осяду.

– Я ему осяду! Я ему так осяду! – взъерепенился было Иваныч, но тут же осёкся, вспомнив, что рейс на Екатеринбург рано утром. Как раз взлетает в эту минуту.

– Ишь каков! Не попросался, не проставился. Всё не по-людски у него. Как был нелюдь, так и остался таким.

Напарник с особым ударением произнёс слово «нелюдь». Много лет он мечтал произнести это слово вслух, сказать в лицо Алексею, глядя в его прикрытые глаза, так, мол, и так, нелюдь ты, и больше никто. Не привелось сказать в глаза, пусть люди послушают. На севере лес валят, не оглядываясь. Либо ты как все, либо нелюдь. И всё тут.

– Д-д-а-а-а! – с чувством произнёс Иваныч и уткнулся в ведомость, размышляя, кого бы отправить вместо Алексея.

Уже через полчаса бригада разошлась по участкам. Про Алексея никто не вспомнил. Его быстро забыли. А если бы кто попросил описать внешность этого человека, тоже затруднились бы. Слишком уж неприметный был Алексей. Мутный какой-то. Как болотная жижа.

При посадке самолёт глухо стукнулся о землю. Алексей вздрогнул. Что-то недоброе было в этом стуке. Упреждающее. Но он легко отбросил чёрные мысли. Впереди грелась настоящая жизнь. Та, прошлая, отмотавшая у него целых пять десятилетий, казалась бездонной дырой. От неё хотелось бежать, ехать, ползти. Он вышел из аэропорта и направился на вокзал. Алексей хотел доехать до цели поездом. В кино часто показывали романтические встречи именно в железнодорожном вагоне. Хотелось с наслаждением пить чай из стакана с подстаканником, слегка позванивая ложечкой, есть курицу, варёные яйца. Ничего этого у Алексея не было, но сейчас в поездах отлично кормят. Бригадир Иваныч рассказывал, когда вернулся из Сочи. Он с женой каждый сезон ездит на курорт. Алексею запало в голову, что если уж ехать в город мечты, то только по рельсам.

Екатеринбург не прельстил Алексея. Не тот размах у города. Он купил билет до Петербурга.

– Мужчина, не поможете? – раздражённо прикрикнула слегка полноватая женщина в наброшенном на лицо капюшоне. Алексей почувствовал приятный аромат, исходящий от незнакомки. Он перехватил ручку чемодана и легко закинул его на багажную полку.

– Спаси-и-и-бо! – капризно протянула женщина и откинула капюшон. По узким плечам рассыпались волосы. Это были не просто волосы, а роскошная копна дивной женской красоты. Алексей ощутил тошноту. Он никогда не видел таких волос, никогда не ощущал аромата, и ни разу не вдыхал запах красивой женщины.

– Мужчина, ну, что же вы стоите, как столб? Чаю попросите! Видите, я замёрзла!

Женщина скинула пальто и небрежным жестом бросила его на полку. Алексей побежал за чаем. Через полчаса из вагона доносились весёлые голоса. Сначала смеялась только женщина, затем постепенно, по нарастающей, её смех угодливо подхватил мужчина.

– И что? Вы хотите сказать, что вы несметно богаты? – заливалась женщина, постукивая в пароксизме смеха ярко-красными ногтями по столику. От стука и смеха ломило в затылке. Алексей, округлив глаза, качал головой, подтверждая, что он богат. Да так богат, что ей и не снилось.

– А давайте выпьем-ка, господин богач! – предложила женщина, и на столике вдруг очутилась бутылка коньяка.

Голова закружилась внезапно. Алексей ничего не почувствовал, ни обморока, ни уплывающего сознания. Просто сидел и смотрел на смеющееся женское лицо и понимал, что никогда не был так счастлив. Ощущение счастья захлестнуло его. А потом наступила пустота.

Сверху доносился грубый мужской голос. Алексей пытался расслышать, что говорят, но слова тонули, как в вате. Ощущение счастья не проходило. Алексея безжалостно ворочали, бросали, куда-то тащили, при этом громко ругаясь.

– Вот нелюди! Пьют, как перед смертью. Это что же такое? Вот куда его девать? Полиция прибежит, пока оформляют, пока то да сё, часа три потеряем, – сердито бубнил мужчина, больно заламывая Алексею руку.

– И не говори! И чего пьют? Вроде с виду приличный мужчина, не алкаш. Оторвался от жены и сразу в разнос пошёл. А давай на перроне его оставим. Дежурные подберут. Он живой, дышит. Чего его таскать-то туда-сюда? А то потом греха не оберёшься. Опоили его, видимо.

– Давай. Тут камеры нет. Не видно, кто подбросил. Пошли скорей!

Алексей глухо стукнулся спиной о твёрдую поверхность. Он сразу вспомнил посадку самолёта. Такой же звук. Шаги удалились, голоса стихли. И Алексей снова провалился в пустоту, по пути обретая ощущение небывалого счастья.

С этим ощущением он прожил больше трёх лет, скитаясь по подвалам и чердакам, валяясь в канавах и ночуя на садовых скамейках в славном городе Петербурге. Он больше не пил. Никогда. Ни капли. Просто жил, изредка окунаясь в смутное ощущение, испытанное им в вагоне поезда. Питался из мусорных баков. Подбирал объедки у кафе и ресторанов. Изредка его били, если на объедки претендовал кто-то из местных бомжей. Алексей покорно уступал свою добычу и шёл в другое место. Он любил уступать судьбе. С привычной покорностью лёг под неё, не пытаясь бороться. Жить в состоянии ужаса стало для него нормой. Лишь одно он усвоил твёрдо. Когда-нибудь придёт конец. Он либо замёрзнет, либо его убьют за кусок непригодной пищи. И понимание конца совсем не удручало Алексея. У него не было документов, не было имени, он потерял фамилию. Та женщина в поезде, подарившая ему мгновение небывалого счастья, часто снилась ему. Однажды он увидел её фотографию. Полиция просила всех пострадавших написать заявление. Алексей долго вглядывался в лицо женщины, умеющей овладеть душой чужого человека с одной целью – чтобы погубить её. Ничего колдовского в этом лице не было. Обычная женщина. Обычная аферистка. Коньяк разбавляла глазными каплями. Их продают в аптеке без рецепта. Криминальная индустрия пасёт непутёвых вахтовиков на всех подходах к вокзалам и аэропортам. Алексей кивнул фотографии, словно бы навсегда прощаясь со своей мечтой. И снова погрузился в пустоту. Так и жил в ожидании конца, перемежаясь из пустоты в ощущение привидевшегося счастья. И ему нравилось новое существование. Было в нём что-то неизведанное, загадочное; то, чего не было на севере, в рабочей жизни, и в юности, в скудном доме родителей. А потом настал период, когда Алексея перестали обижать. Никто его не бил, полиция не трогала, люди проходили мимо. Пустая жизнь. Зачем она? Для чего? Алексей не думал об этом. Он не считал свою жизнь пустой.

В правом боку заныло. Было пронзительно холодно. Алексей подложил ладонь под бок и проснулся, почувствовав на себе чей-то взгляд. Он испуганно открыл глаза. На него смотрела женщина, не молодая, но и не старая, вполне приятной наружности. Алексей с кряхтением сел, потирая бок.

– Болит? – спросила женщина.

– Не-а! – с готовностью ответил Алексей, определяя для себя, насколько опасно для него пристальное внимание постороннего человека.

– Болит, – сказала женщина.

Они помолчали. Алексей мысленно подсчитывал внутренние ресурсы – насколько быстро он сможет испариться из поля зрения назойливой женщины. Ресурсов было мало.

– Меня зовут Лена, а вас? – сказала она и протянула руку для приветствия.

Алексей спрятал руки за спину. Он не мылся почти полгода.

– Понятно! – сказала Лена и вздохнула. – Что будем делать?

– Что? – спросил Алексей. – Ничего. Своей дорогой пойдём. Вы идите, куда шли, а я пойду, куда надо.

– Документов нет? – не отставала Лена.

– Нету, – признался Алексей.

Встать со скамейки он не мог. Совсем обессилел. В последнюю неделю стояли сильные холода. Он промёрз, оголодал, как бездомная собака.

– Так есть имя-то? – Лена встала и наклонилась над ним, пытаясь посмотреть в глаза. Алексей отметил, что она не морщит нос, не прикладывает платочек к губам. Не брезгует. Относится, как к человеку. Что ей надо? Врёт ведь. И брезгует, ведь воняет от него, как от помойки. А она только делает вид, что не брезгует.

– Имя есть. Лёха я. Лёха-молчун. – с вызовом ответил Алексей. – А чо?

– Ничо. Пойдём, Лёха-молчун, со мной. Ты в беду попал. Тебе поесть надо. Чего-нибудь горячего. И обязательно помыться.

Лена поболтала рукой в воздухе, что означало, что от Алексея несёт смрадом. Он задумался. С одной стороны, можно наплевать и идти своей дорогой. В пути есть пустота и забытое ощущение мифического счастья. С другой, можно пойти с этой доброй женщиной и поесть чего-нибудь в благотворительной организации. Там все воры и мошенники. В этом Алексей был твёрдо уверен. Он сполз со скамейки и пошатнулся.

– Можете идти? – спросила Лена.

Он утвердительно кивнул. Да, он ещё может идти, но очень медленно.

Прошло много времени. Елена терпеливо возилась с Алексеем, понимая, что это не обычный бродяга. Она убедила Алексея отсидеть в изоляторе, чтобы ему выписали справку. Потом послала запрос на север, чтобы оформить документы. За это время Алексей прижился в ночлежке. Он больше не считал, что в благотворительных организациях работают сплошь мошенники. Елена объяснила, как собираются деньги на благотворительность. С миру по нитке – голому рубашка. Алексей старался отблагодарить благодетельницу. Постоянно что-то ремонтировал, следил за исправностью проводки, менял воду, таскал коробки с посудой, всячески подчёркивая собственную значимость. А когда отмылся, отъелся и немного поздоровел, понял, что ступил на новую дорогу, в конце которой не было пустоты. Как-то ночью он проснулся от осознания, что есть разная жизнь. И ему больше всего нравится обычная, где нет места богатству,

где никто и никого не обманывает. Можно ведь просто работать, чтобы руки были при деле, а голова занята обычными мыслями. Алексей больше не жалел об утраченных деньгах, и не мечтал встретить иллюзорное счастье с пышными кудрями. Он просто хотел жить, чтобы жить.

На вокзале было шумно. В толпе Алексей увидел Лену. Чувство благодарности нахлынуло на него, угрожая пролиться слезами. Вот, казалось бы, оно ей надо? Зачем она спасает людей, заблудившихся в жизни? А ведь спасает. Уже спасла.

– Хорошо, что вы возвращаетесь, – сказала она, пожимая Алексею руку.

– А я не возвращаюсь. Я никогда не возвращаюсь. Я начну новую жизнь. Спасибо вам, Лена! Только вот... – Алексей замялся, подыскивая нужное слово.

– Что? – улыбнулась Лена.

– Зачем вам всё это?

– Не знаю. Сложно объяснить. Зато я вижу результат. Было так, а стало вот так!

Лена засмеялась. Алексей понял, что она не хочет объяснять своё отношение к жизни. Зачем? Ни к чему всё это. Кто-то спасает брошенных собак и кошек, а она людей. Главное, что спасает.

25 октября 2020 года.

*Эту историю рассказала мне
Елена Рыдалевская из благотворительного фонда «Диакония».*